

РИЧАРД
ФЕРТ-ГОДБЕХЕР
перевод Ольги Быковой

ЭМОЦИИ

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ
ИСТОРИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

МИОО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Как вы себя чувствуете? 11

ГЛАВА 1

Классическая добродетель 19

ГЛАВА 2

Желание в Индии 36

ГЛАВА 3

Страсти святого Павла 55

ГЛАВА 4

Любовь крестоносцев 77

ГЛАВА 5

Чего боялись османы 96

ГЛАВА 6

Омерзительная охота на ведьм 114

ГЛАВА 7

Стремление к упоительной свободе 132

ГЛАВА 8

Появление эмоций 147

ГЛАВА 9

Стыд цветущей сакуры 163

ГЛАВА 10

Ярость африканской королевы 179

ГЛАВА 11

Снарядный шок 197

ГЛАВА 12

Унижение дракона 214

ГЛАВА 13

Любовь и (Родина-)мать 230

ГЛАВА 14

Великое эмоциональное противостояние 250

ГЛАВА 15

Мечтают ли люди об электроовцах? 265

ЭПИЛОГ

Последние чувства? 285

БЛАГОДАРНОСТИ 290

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

(ДЛЯ НАЧАЛА) 291

ОБ АВТОРЕ 293

ПРИМЕЧАНИЯ 294

Введение

КАК ВЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕТЕ?

Немалую часть своего времени моя кошка проводит в гневе. Выражая ярость, она, как правило, бьет хвостом и гоняется за ним с шипением, рычанием и воплями. Сторонний наблюдатель мог бы предположить, что она попросту ненавидит свой хвост, но, уверяю вас, таким образом моя кошка лишь хочет продемонстрировать мне, что она не в духе. Она ведет себя так, когда я кормлю ее на полчаса позже, или занимаю ее место на диване, или опускаюсь до преступной гнусности и позволяю идти дождю. Безусловно, Зази далеко не единственный питомец, которого приводит в бешенство непослушание хозяина. Каждый, у кого есть кошка, собака, кролик, змея или любое другое животное, знает, что у зверей есть эмоции и они не упускают случая эти эмоции выразить. Животные могут быть сердитыми, требовательными и ласковыми — часто одновременно. Кажется, что эмоции бурлят в наших любимцах так же, как в нас самих.

Но вот в чем загвоздка: животные не чувствуют эмоций. Прежде чем вы ринетесь доказывать, что ваша кошка вас любит, оговорюсь: речь не только о животных. Люди тоже не чувствуют эмоций. Эмоции — не более чем обертка, в которую англоязычные представители западного мира пару сотен лет назад упаковали определенный набор переживаний. Эмоции — современная идея, культурный конструкт. Представление о том, что чувства — это нечто, происходящее в мозгу, сформировалось только в начале XIX века¹.

Лингвист Анна Вежбицкая утверждает, что лишь одно слово, касающееся чувств, можно напрямую перевести с одного языка на другой без потери смысла, и это слово *feel* («чувствовать»)². Однако то, *что* вы чувствуете, выходит далеко за рамки того, что принято понимать под

эмоциями: это и физическая боль, и голод, и тепло/холод, и тактильные ощущения. В одном только английском языке определенные типы чувств в разные исторические периоды описывали разными терминами: *temperaments* — «нравы», или «темпераменты» (то, как чувства влияют на поведение), *passions* — «страсти» (чувства, что сперва ощущаются в теле, но влияют на душу) и *sentiments* — «сантименты» (чувства, которые человек испытывает при виде чего-то красивого или кого-то, кто проявляет безнравственность). Со временем большая часть этих понятий осталась в прошлом, а им на смену пришел один емкий термин, обозначающий некий конкретный тип чувства, воспринятого мозгом, — *эмоция*. Проблема в том, что точно выяснить, какие типы чувств относятся к эмоциям, а какие — нет, довольно сложно. Существует едва ли не столько же определений эмоций, сколько людей, их изучающих. Некоторые включают голод и физическую боль в классификацию, другие — нет. Нельзя утверждать, что концепция эмоций верна, так же как нельзя утверждать, что понятие страстей ошибочно. Сам термин «эмоция» — всего лишь обновленная упаковка с сомнительно выраженными очертаниями. И здесь передо мной встает вопрос: если эмоции — действительно некий современный, притом не вполне ясный конструкт, с чего начать писать о них книгу?

Что такое эмоция?

Главная сложность состоит в том, что сам по себе вопрос «Что такое эмоция?» сравним с вопросом «Что такое синий?». Вы, конечно, можете привести научные данные о преломлении света и длине волны, но для разных людей «синий» по-прежнему будет означать разные вещи. В некоторых культурах, как, например, в племени химба в Намибии, синий вообще не считается отдельным цветом. Для этих людей синий — разновидность зеленого, один из множества оттенков, позволяющих ориентироваться в едва различимых полутонах джунглей и пастбищ, где живет племя. От умения отличать безопасный голубовато-зеленый от ядовитого желтовато-зеленого может зависеть жизнь³.

Если провести цветовой тест и попросить химба отделить предметы цвета травы от предметов цвета неба, в конце эксперимента вы обнаружите довольно большую группу зеленых предметов и не меньшую — синих. По понятным причинам это может подтолкнуть вас к выводу, что концепции зеленого и синего универсальны. Однако если изменить формулировку и попросить химба разложить зеленые и синие предметы по разным кучкам, то вы, вероятно, увидите среди зеленых множество вещей, которые человек с западным мышлением посчитал бы синими. Тогда опять же по совершенно понятным причинам вы были бы вправе заключить, что концепция цвета формируется под воздействием культуры⁴.

Подобным образом можно показывать химба фото людей, выражающих эмоции так, как привычно нам, и задавать вопрос, аналогичный вопросу «Какого цвета небо?». Например: «Какую гримасу вы бы скорчили, съев что-то тухлое?» И когда химба указали бы на соответствующее фото (полуоткрытый рот с опущенными уголками губ, сморщенный нос и сощуренные глаза, ассоциирующиеся в западной культуре с отвращением), вы бы чувствовали себя вправе утверждать, что понятие отвращения универсально. Однако вы могли бы зайти с другой стороны и попросить участников эксперимента разложить фото с разнообразными выражениями лица по стопкам, соответствующим отвращению и злости. И вы бы удивились, обнаружив фото с полуоткрытым искривленным ртом в стопке злости наряду со снимками, где люди показывают удивление, гнев, испуг и смущение. Такой результат убедил бы вас, что эмоции — культурный конструкт. Возникает вопрос: какой из двух методов исследования верный? Является понимание подобных вещей врожденным или приобретенным? Как часто бывает с вопросами из категории «то или это», ответ, вероятнее всего, — да.

Я остановлюсь на этом подробнее чуть позже, однако уже сейчас могу сказать, что и культура, и природа играют роль. Воспитание и культура формируют наши представления о том, как вести себя, когда мы что-то чувствуем. Но наши чувства сами по себе развились в процессе эволюции. Так же как восприятие цвета в племени химба отличается от моего, контекст, язык и другие культурные факторы влияют на то, как человек понимает эмоции. Возможно, все мы чувствуем одно и то же, однако то, как мы

понимаем и выражаем эти чувства, различается в зависимости от времени и культуры. Именно эти важные различия лежат в основе истории эмоций — и в основе моей книги.

Что такое история эмоций?

Я уверенно устанавливаю флаг на просторах развивающейся дисциплины, получившей название «история эмоций». Ее цель — попытаться выяснить, как люди прошлого трактовали свои чувства. Некоторые исследования охватывают огромные временные промежутки, погружаясь в долгую историю человеческих страхов⁵. Предметом других — значительно более узких — становится то, как понимали эмоции люди на конкретных территориях в определенные периоды, например это касается исследований эмоциональных режимов во время Французской революции⁶. (К концепции эмоциональных режимов я вернусь чуть позже.)

История эмоций породила сотни идей и теорий, и ее влияние на то, как мы понимаем прошлое, продолжает расти. Большинство работ в этой области до сих пор, однако, остаются нишевыми и академическими — не самый вероятный выбор для расслабляющего чтения на пляже. Я написал эту книгу, потому что у меня есть своего рода миссия — познакомить с удивительным миром истории эмоций как можно больше людей, разделить с ними восторг и показать, какую точку зрения открывает подобный способ понимания прошлого, помочь им увидеть мир — и особенно его историю — по-новому.

Существует множество способов исследовать эмоции в историческом контексте. Вы можете писать о предметах материальной культуры, связанных с чувствами: надушенных письмах, религиозных артефактах и детских игрушках⁷. Можете изучать, как со временем менялись названия эмоций или значения слов, описывающих их. Например, английское слово *disgust* («отвращение») когда-то означало всего лишь «неприятное на вкус». Сейчас оно подразумевает отвращение ко всему отталкивающему — от заплесневелого фрукта до подлых поступков⁸. Иногда история эмоций напоминает интеллектуальную историю или историю развития

идей и науки: она стремится разобратся в том, как люди трактовали чувства и что понимали под эмоциями в контексте своего времени и своей культуры. Путь в этой сфере исследования можно начать по-разному, однако есть несколько концепций, к которым мы, историки эмоций, независимо от профиля постоянно возвращаемся.

Первую из таких концепций — *эмоциональные режимы* — я уже упоминал. Этот термин, введенный историком Уильямом Редди, обозначает ожидаемое эмоциональное поведение, диктуемое обществом, в котором мы живем. Он пытается объяснить, как люди выражают эмоции в любых заданных обстоятельствах⁹. Например, от стюарда бизнес-класса принято ожидать вежливости и обходительности в общении с пассажирами независимо от того, насколько невежливы сами пассажиры. Работа навязывает ему эмоциональный режим, который в какой-то момент становится его второй натурой, так что человек демонстрирует спокойствие и неисчерпаемое терпение.

С концепцией эмоциональных режимов тесно связано понятие *эмоционального труда*. Со временем границы этого термина расширились настолько, что он стал обозначать буквально все — от простой вежливости до возложения на одного из членов семьи (как правило, женщину) всевозможных бытовых обязанностей, связанных с эмоциями, включая отправку поздравительных открыток и регулярную уборку с целью впечатлить заглянувших в гости соседей. Однако зародился термин в марксизме. Его ввела социолог Арли Хохшильд, описывавшая эмоциональный труд как «необходимость вызывать или подавлять чувства, чтобы соответствовать внешнему образу, который приводит окружающих в надлежащее состояние ума»¹⁰. Звучит немного похоже на эмоциональный режим. Различие, как его определяет социолог Дмитрий Шалин, заключается в том, что эмоциональный труд — «это дополнительная эмоциональная величина, систематически извлекаемая государством [или его эмоциональным режимом] из граждан». Если вернуться к примеру со стюардом, эмоциональный режим — это то, что заставляет его улыбаться, даже когда пассажир груб. Эмоциональный труд — это усилие, которое стюарду требуется приложить, чтобы продолжать улыбаться, несмотря на то что в глубине души ему хочется наорать на клиента. Другими словами, эмоциональный труд — это

усилие, необходимое для того, чтобы оставаться в рамках эмоционального режима. Эмоциональный труд существует, потому что эмоциональные режимы иерархичны, предписаны кем-то свыше — часто государством, но иногда религией, философскими взглядами или моральным кодом, придерживаясь которого нас научили.

Поскольку эмоциональный труд может быть физически и морально утомительным, оставаться верным эмоциональному режиму не всегда просто. Людям необходим доступ к местам, где они бы давали волю эмоциям. Уильям Редди ввел для таких мест термин *эмоциональные убежища*. Например, бар в отеле, где стюард регулярно жалуется коллегам на грубиянов из бизнес-класса. Подобные места могут быть двигателями революции, особенно когда подавляемые чувства становятся топливом для смены эмоционального режима.

Однако то, как мы выражаем эмоции, не всегда навязано кем-то вышестоящим. Иногда установки исходят от народа и его культуры. Такие идущие снизу правила известны историкам эмоций в рамках концепции *эмоциональных сообществ*, впервые предложенной историком Барбарой Розенвейн¹¹. Она касается течений или общих чувств, которые связывают сообщество воедино. Если вам доводилось хоть раз провести бесконечный час, а то и два, в гостях у родственников своего партнера, вы знаете, о чем я говорю. Их поведение может разительно отличаться от привычного вам. Моя семья, например, довольно буйная. Все мы — включая маму — любим грубо шутить, рассказывать нелепые истории, дружески подкалывать друг друга, а также, поскольку почти все мы занимаемся наукой, вести самые высокоинтеллектуальные беседы как можно менее интеллектуальным способом. Я не могу даже мечтать о том, чтобы вести себя так в семье моей жены. Все потому, что каждая семья формирует собственное эмоциональное сообщество и устанавливает свои правила поведения и выражения эмоций.

Похожее чувство мы испытываем, путешествуя в другие страны. На самом деле часто даже не нужно ехать далеко. Я бывал на концертах в Барнсли (Англия), где на протяжении всего выступления люди в зале стояли как вкопанные, с абсолютно непроницаемыми лицами. Но стоило музыке смолкнуть, как к музыкантам выстраивалась очередь готовых угостить их

пивом и рассказать, как здорово они отыграли. Специфическая черта эмоционального сообщества Барнсли — стоическая маскулинность (не зависящая от гендера) — не предполагает несдержанности, которую проявляют на концертах в других городах, пусть даже расположенных в какой-то паре миль.

Люди могут быть частью сразу нескольких эмоциональных сообществ и придерживаться нескольких режимов. Так, эмоциональный режим, который уже знакомый нам стюард соблюдает во время полета, обязательно влияет на его поведение на футбольных матчах. В фанатском секторе «Манчестер Юнайтед» человек, проявляющий безграничное терпение на работе, может вести себя как отъявленный грубиян по отношению к болельщикам команды соперника. На матче он ощущает себя частью эмоционального сообщества и свободен от эмоционального режима, определяющего его поведение на рабочем месте, а потому выражает эмоции так, как принято в сообществе.

Это подводит нас к еще одной важной теме книги. На протяжении истории те или иные сильные эмоции выступали в качестве движущей силы перемен. Нередко желание, отвращение, любовь, страх или гнев охватывали целые культуры, толкая людей на поступки, которые меняли все. Я собираюсь исследовать, какую роль сыграли эмоции — и эволюционировавшие представления людей о них — в формировании мира. В процессе мы увидим, насколько переживание эмоций — желания, отвращения, страха, любви и гнева — в прошлом отличалось от современного.

Нас ждет грандиозное приключение: путешествуя сквозь века, мы увидим, как по-разному люди трактовали свои чувства в разные эпохи и как эмоции привели к переменам, отголоски которых слышны и сегодня. Мы поговорим о Древней Греции и искусственном интеллекте, отправимся в Гану и в Японию, побываем в могущественной Османской империи и станем свидетелями образования Соединенных Штатов. Мы даже заглянем в будущее!

История демонстрирует власть эмоций — наравне с технологиями, политическими течениями и великими мыслителями они создают мир, в котором мы живем. Эмоции лежат в основе мировых религий, философских трудов, а также стремления к знаниям и благосостоянию. Но они

ВВЕДЕНИЕ

могут быть и темной, разрушительной силой, сеющей раздор, жадность и недоверие.

Каждая из глав посвящена определенному историческому периоду и региону, однако вместе они составляют довольно полную картину того, как эмоции сформировали современный мир во всем его многообразии, со всеми хитросплетениями и чудесами. Я надеюсь, что после прочтения этой книги ваше видение эмоций уже никогда не будет прежним.